

АЛЕКСАНДР
КАРЕВИН

РУСЬ НЕРУССКАЯ

КАК ЗАРОЖДАЛАСЬ

«РІДНА» МОВА

ЖИВА
УКРАИНСЬКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЗБИРНИК

1885

ОДЕССА

УКРАИНСЬКИЙ
ДЕКЛАМАТОР

РОЗВАГА

УЛОЖИВ
ОЛЕКСА КОВАЛЕНКО
ВИДАННЯ ДРУГЕ
ДОПОВНЕНЕ

Александр Каревин

**Русь нерусская: как
зарождалась «рідна» мова**

«Алетейя»

2021

УДК 39(=161.3)
ББК 63.5(4Укр)

Каревин А. С.

Русь нерусская: как зарождалась «рідна» мова / А. С. Каревин —
«Алетейя», 2021

ISBN 978-5-00165-258-8

Представленная монография касается проблемы создания, развития и распространения украинского языка. Действительно ли этот язык, объявляемый сегодня родным для коренного населения Украины, является таковым? Как складывались языковые отношения на пространстве, занимаемом современной Украиной? Какое место занимает здесь русский литературный язык? Хронологические рамки исследования охватывают период от возникновения малорусского наречия и до наших дней. Особое внимание уделено отношению власти и общества к языковому вопросу во второй половине XIX - начале XX века, а также политике украинизации, проведенной на данной территории после установления советской власти. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 39(=161.3)

ББК 63.5(4Укр)

ISBN 978-5-00165-258-8

© Каревин А. С., 2021

© Алетейя, 2021

Содержание

Необходимое предисловие	6
Глава 1. Возникновение наречий	7
Глава 2. «Не было, нет и быть не может»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Каревин
Русь нерусская: как
зарождалась «рідна» мова

© А. С. Каревин, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

* * *

Необходимое предисловие

В мае 2000 года известный политик, тогдашний глава Национального союза писателей Украины Владимир Яворивский жаловался в своей авторской радиопрограмме, что на всю многомиллионную Украину лишь несколько десятков тысяч человек по-настоящему владеют украинским языком. Действительно, язык, объявленный у нас «родным языком украинцев» (и на этом основании получивший статус единственного государственного), не очень-то популярен в народе. Люди общаются преимущественно на русском языке или на так называемом «суржике». Почему? Украинцы отреклись от родного языка? Предали его? Или, может быть, этот язык оказался слишком уж оторванным от народной почвы, а, значит, для большинства не родным? Об этом и пойдет речь.

Из-за обилия цитат эту книгу можно упрекнуть в компилятивности. Дело, однако, в том, что автор и не претендует на роль первооткрывателя. То, что изложено в моей работе, давно известно¹. Но известно, к сожалению, лишь узкому кругу специалистов. Между тем, в силу ряда причин языковая проблема на Украине вышла далеко за чисто научные рамки. Что представляет собой украинизация? Что это такое? Возврат к истокам, восстановление естественных прав украинского языка или, наоборот, попытка оторвать Украину и украинцев от общерусского корня? Эти вопросы интересуют не только ученых. Ответить на них можно лишь опираясь на факты. Факты, изложенные в документах и специальной литературе, но старательно замалчиваемые сегодня. Привлечь внимание читателей к таким фактам и является задачей книги.

Наверняка, она (книга) будет воспринята неоднозначно. Не исключено, что в адрес автора последуют обвинения в «шовинизме», «украинофобии», подрыве независимости Украины. Поэтому хотелось бы оговориться сразу: данная работа ни в коей мере не направлена против украинского языка. На этом языке создана большая научная литература, написаны художественные произведения (в том числе и талантливые). Есть люди, которые считают этот язык своим, желают развивать его дальше. И это их право.

Тем более здесь нет украинофобии. Наоборот, «Русь нерусская» написана в защиту права подавляющего большинства тех, кого раньше называли малорусами (малороссами), а ныне именуют украинцами, пользоваться действительно родным языком. Что же касается обвинений в «подрывной деятельности», то нужно напомнить навешивателям ярлыков слова выдающегося русского писателя (малоруса по происхождению) Всеволода Крестовского: «Прямое слово правды никогда не может подрывать и разрушать того, что законно и истинно. А если наносит оно вред и ущерб, то только одному злу и беззаконию».

¹ Еще до революции вышли посвященные проблеме украинского языка работы А. С. Будиловича, П. А. Кулаковского, Т. Д. Флоринского.

Глава 1. Возникновение наречий

«Русь не русская видится мне диковинкою, как если бы родился человек с рыбьим хвостом или с собачьей головой»,² – заметил как-то Григорий Сковорода.

К сожалению, именно в такую диковинку превращают ту часть Руси, которая сегодня зовется Украиной. Нападкам подвергается все русское: русский язык, русская культура, даже русская (православная) Церковь. Административными методами проводится тотальная украинизация. Украинизируются детские сады, школы, вузы и т. д., вплоть до высших органов государственной власти.

Сами украинизаторы, ньенькопатриоты (как когда-то назвал их один из публицистов), объявляют происходящее «национальным возрождением», «пробуждением национальной сознательности украинцев» (мнения которых, между прочим, никто не спрашивает), «преодолением последствий трех-сотпятидесятилетней русификации». Они уверяют, что хотя многие украинцы считают русский язык родным, но в глубине души в них все равно сидит та самая мова, возврат к которой приведет к более полному раскрытию потенциала личности, а, значит, к расцвету науки и культуры.

Так ли это? Действительно ли украинизация – это благо?

«Зри в корень», – советовал незабвенный Козьма Прутков. Попробуем же, углубившись в прошлое, разобраться в сути происходящего на Украине сегодня.

Как известно, все населявшие Киевскую Русь восточнославянские племена пользовались одним русским языком. Приехавший в Суздаль, Смоленск или Новгород галичанин в переводчике не нуждался. «Летопись приводит множество примеров, когда на вечевых собраниях Новгорода и его пригородов выступали киевские послы и князья, а к киевлянам обращались с речью представители Новгорода, Суздаля, Смоленска»³, – констатирует украинский ученый П. П. Толочко.

Начало языковому расколу положило разделение политическое. Польско-литовское господство, установившееся в Юго-Западной Руси с XIV века, способствовало постепенному ополячиванию населения. Местные говоры все более пополнялись польскими словами. «Как поляки в свой язык намешали слов латинских, которые тоже и простые люди по привычке употребляют, так же и Русь в свой язык намешали слов польских и оные употребляют»,⁴ – свидетельствовал анонимный автор «Перестороги», антиуниатского полемического произведения, написанного в Малороссии и датированного 1605–1606 гг.

Так возникли отличные от разговорного языка обитателей Северо-Восточной Руси западнорусские наречия – белорусское и малорусское⁵. Но оформившись в отдельные диалектные группы, говоры Малороссии, Великорос-сии и Белоруссии оставались разновидностями одного языка. Посетивший в 1523–1524 гг. великие княжества Литовское и Московское посол римского папы Климента VII Алберт Кампензе писал в Рим, что жители Руси как Литовской, так и Московской считаются одним народом, поскольку «говорят одним языком и исповедуют

² Цит. по: *Краснюк М.* Религиозно-философские воззрения Сковороды // Вера и разум. – 1901. – № 16. – С. 132.

³ *Толочко П. П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. – К., 1987. – С. 186.

⁴ Цит. по: *Огієнко І.* Українська літературна мова XVI-го ст. і український крехівський апостол. – Варшава, 1930. – Т.1. – С. 469.

⁵ Следует отметить, что названия «Малая Русь», «Малороссия» не являются чем-то оскорбительным, как это утверждает современная пропаганда. Употреблявшиеся сначала константинопольскими патриархами, а затем и в официальных актах галицко-волинских князей, казацких гетманов, эти вошедшие в научную литературу названия обозначали территорию первоначального обитания русских племен, по аналогии с названиями «Малая Греция» – место зарождения греческой цивилизации и «Великая Греция» – острова, на которые греки расселились позднее; «Малая Польша» – родина польской нации и «Великая Польша» – места дальнейшего расселения поляков; «Малая Армения» и «Великая Армения» и т. д.

одну веру»⁶. На засилье «московского языка» в Литве жаловался литовский писатель XVI века Михалон Литвин⁷, а польский король Ян Казимир (вошедший в нашу историю как противник Богдана Хмельницкого), выступая в сейме, указывал, что главная угроза для Речи Посполитой заключается в тяготении населения малорусских и белорусских земель к Москве, «связанной с ними языком и верой»⁸.

Языковая близость Великой и Малой Руси ярко проявилась после их воссоединения. Многие малорусские писатели, переселившись в столицу, приняли деятельное участие в литературной жизни Русского государства. Они существенно обогатили московский говор, внося в него немало южнорусских особенностей. В результате, как отмечал П. А. Кулиш, на основе малорусского и великорусского наречий выработался общерусский литературный язык, «составляющий между ними средину и равнопонятный обоим русским племенам»⁹.

Огоновский Омелян Михайлович

Столь мощное (на первом этапе даже преобладающее) влияние малороссов на формирование русского литературного языка впоследствии дало повод некоторым ненькопатриотам обвинять великороссов в том, что они чуть ли не украли этот язык у украинцев. «Богатые запасы языка малорусской нации в течение двух последних столетий были систематически эксплуатируемы в пользу московского наречия»¹⁰. Так, например, утверждал в 1880 г. ярый украинофил Омелян Огоновский.

Естественно, что поскольку главные культурные центры Российской Империи (Петербург, Москва) располагались на территории Великороссии, в процессе дальнейшего развития

⁶ Библиотека иностранных писателей о России. – СПб., 1836. – Т.1. – С.20.

⁷ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. – М., 1855.-КН.2.-С.286.

⁸ Павлицев И. М. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. – СПб., 1887. – Т.2. – С. 286.

⁹ Кулиш П. А. Об отношении малороссийской словесности к общерусской (Эпилог к «Черной раде») // Кулиш П. О. Твори. – К., 1989. – Т.2. – С.459.

¹⁰ Цит. по: Флоринский Т. Малорусский язык и «украино-русский» литературный сепаратизм. – СПб., 1900. – С.46.

литературного языка усиливалось влияние на него великорусской языковой среды. Примерно в середине XVIII века оно уже стало преобладающим. Однако и тогда малорусское влияние оставалось значительным. «Для развития литературной речи "малорус" Григорий Сковорода сделал не меньше "великоросса" Михаила Ломоносова, – замечал выдающийся русский историк Н. И. Ульянов. – А потом следуют поэты – Богданович, Капнист, Гнедич, вписавшие вместе с Державиным, Херасковым, Карамзиным новую страницу в русскую литературу. И так вплоть до Гоголя»¹¹.

Ульянов Николай Иванович

«Великорусская литература (Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Державин) сама тогда омалорусилась, – писал Иван Нечуй-Левицкий Михаилу Грушевскому. – ... Эти великорусские писатели пошли на Украину почти как свои по языку: их понимали»¹².

И даже оголтелый русофоб М. Д. Антонович (внук известного историка) в своей «Истории Украины» (изданной в 1941–1942 гг. в оккупированной гитлеровцами Праге), объясняя причины распространения на Украине русского литературного языка, вынужден был признать: «Созданный в значительной мере самим украинским образованным слоем – тем духовенством, что массово отправлялось на службу в Россию – воспринимался этот язык как свой и им пользовались будто родным»¹³.

¹¹ Ульянов И. М. Русское и великорусское // Этнографическое обозрение. -1996.-№ 6.-С.142.

¹² Нечуй-Левицкий І. С. Зібрання творів. – К., 1968. – Т.10. – С. 355.

¹³ Антонович М. Історія України. – Прага, 1942. – Т.4. – С. 9.

Антонович Михаил Дмитриевич

Как видим, малороссы (украинцы), как и великороссы, имели все основания считать русский литературный язык родным. Таковым он и был. И не только для образованной части малорусского общества, но и для простого народа. Говорившие «по-благородному» помещики, в том числе и великороссы, в глазах малорусских крестьян не являлись иноземцами в отличие от панов польского или немецкого происхождения. Сами же крестьяне и в Великороссии, и в Малороссии говорили «по-простому», но и свои сельские говоры, и господскую речь считали разновидностями одного русского языка. «У нас, как это бывает и во всех почти странах, одна часть народонаселения говорит на своем образованном языке, а другая употребляет только свое местное просторечие»,¹⁴ – отмечал профессор Киевского университета Сильвестр Гогоцкий и подчеркивал: «Ежедневно мы говорим в деревне с простым народом по-русски без всяких переводчиков, и не только примера не было, чтобы нас не понимали, но даже сами же эти простые люди рассмеялись бы, если бы мы, говоря с ними, стали их уверять, что они нас не понимают и приводили бы к нашему разговору переводчика»¹⁵. Крупный ученый, выдающийся педагог, малоросс по происхождению, Гогоцкий авторитетно свидетельствовал: «Русский язык – наш язык; а потому мы учимся и учим на нем, как на своем языке»¹⁶, этот язык «наш во всей силе этого слова», «это наш язык, выроставший вместе с нами, вместе с историческою нашею жизнью и ее развитием, язык выработывавшийся общими и долговременными трудами деятелей Великой и Малой (преимущественно – юго-западной) России»¹⁷.

¹⁴ Гогоцкий С. С. Украинофильство с его затеями о двухтекстовых учебниках. – Почаев, 1881. – С. 40.

¹⁵ Там же. – С. 18.

¹⁶ Там же. – С. 14.

¹⁷ Там же. – С.68–69.

Гогоцкий Сильвестр Сильвестрович

Русскоязычными были и малорусские писатели: И. П. Котляревский, Е. П. Гребенка, Г. Ф. Квитка-Основьяненко, П. П. Гулак-Артемовский, – за что впоследствии накликали на себя обвинение в «пренебрежительном» отношении к «рідной мове». «Пренебрежительное отношение к родному языку, как это ни странно, было даже у "возродителей" украинской литературы: Квитки, Котляревского и др., которые также смотрели на язык украинский как на "малороссийское наречие", а на русский язык – как на "общий язык"»,¹⁸ – сокрушался один из активистов украинского движения. «Сознательности национальной украинцам не хватало. Квитке еще не приходил в голову вопрос о национальном языке»,¹⁹ – печалился другой «национально сознательный» автор.

«Недостаток национальной сознательности» и «пренебрежение к родному языку» тут, конечно, ни при чем. Следует помнить, что в то время малороссы вместе с великороссами и белорусами составляли одну русскую нацию подобно тому, как великополяне, малополяне и мазуры составляли нацию польскую, пруссаки, баварцы, саксонцы – нацию немецкую и т. п. Теория о «трех братских народах», якобы возникших из «древнерусской народности» после распада Киевской Руси, вошла в обиход позднее. Некоторое время именно эта теория господствовала в отечественной историографии. Однако сегодня большинство исследователей склоняются к мысли о ее несостоятельности. Действительно, нации (народности) не распадаются вслед за государствами. История народов Европы – наглядное тому подтверждение. Северные области Италии долгое время находились под немецким владычеством, южные – под испанским, а в центре Аппенинского полуострова существовала под управлением римских пап самостоятельная Папская область. Веками эти территории были отделены друг от друга государственными границами, жили каждая своей политической и культурной жизнью, их население говорило на разных наречиях. Но сегодня итальянцы – единая нация, а не три братских народа. Веками и Германия была расколота на множество государств, а разные ее части входили в состав испанских, датских, шведских владений. Но и немцы сохранили национальное единство. Раздел Польши между Россией, Пруссией и Австрией не привел к распаду польской нации на «три братских народа». Греки Балканского полуострова, Малой Азии и различных остро-

¹⁸ Довбищенко Я. Михайло Драгоманов // Пам'яті Михайла Драгоманова. – Х., 1920. – С. 10.

¹⁹ Плевако М. Григорій Квітка-Основ'яненко // Наше минуле. – 1918. -№ 2.-С. 13.

вов, разбросанных в Восточном Средиземноморье, признавали себя единой нацией, хотя разделялись не только государственными границами, но и морем.

Котляревский Иван Петрович

Гребенка Евгений Павлович

Квитка-Основьяненко Григорий Федорович

Сознавали себя единой нацией и все три ветви русского народа – великороссы, малороссы, белорусы. Один народ не значит народ одинаковый. Различия в обычаях и языке у великороссов, малороссов и белорусов, конечно же, имели место. Но различия эти все-таки были меньшими, чем разница между теми же малополянами, великополянами и мазурами в Польше, пруссаками, саксонцами и баварцами в Германии, пикардийцами, ильдефранцами и провансальцами во Франции и т. д. Соответственно, вышеупомянутые Котляревский, Гребенка, Квитка-Основьяненко считали себя русскими, а русский язык – родным. Создавать еще один литературный язык, «возродить украинскую литературу» они не собирались, а просто-народные говоры (в данном случае диалекты Полтавской и Харьковской губерний) использовали в своем творчестве для лучшей передачи местного колорита или для комических эффектов. «По господствующему тогда образу воззрений, речь мужика непременно должна смешить и, сообразно с таким взглядом, Котляревский выступил с пародией на "Энеиду" Вергилия, составленную по-малорусски, где античные боги и герои изображены действующими в кругу жизни малорусского простолюдина, в обстановке его быта, и сам поэт представляет из себя также малорусского простолюдина, рассказывающего эти события»²⁰ – пояснял Н. И. Костомаров. Заметим что, «возродителем» украинской литературы И. П. Котляревский был объявлен лишь в конце XIX века, когда деятелям украинского движения потребовалось доказать, что пропагандируемое ими «українське відродження» происходит не от поляков. До этого Ивана Петровича таковым не считали. Например, еще в 1861 г. П. А. Кулиш называл его выразителем «антинародных образцов вкуса», осмеявшем в «Энеиде» украинскую народность, выставившем напоказ «все, что только могли найти паны карикатурного, смешного и нелепого в худших образчиках простолюдина», а язык поэмы именовал «образцом кабацкой украинской беседы»²¹. Также и Е. П. Гребенка писал, что народный язык представил «на суд публики г-н Котляревский в трактирно-бурлацких формах»²². А один, к сожалению, не названный по имени в научной литературе украинофил, в письме к украинскому поэту Я. И. Щеголеву даже

²⁰ Костомаров И. М. Малорусская литература // Научно-публицистичні і полемичні писання Костомарова. – Б. м., 1928. – С 241.

²¹ Кулиш П. А. Обзор украинской словесности // Основа. – 1861. – № 1. -С. 244, 246, 247.

²² Цит по: Шамрай А. Харківські поети 30–40 років XIX століття. – Х., 1930.-С 67.

заявил, что автор «Энеиды» «издевается над украинским говором и преимущественно подбирал вульгарные слова, наверное, на потеху великорусам и на радость армейским офицерам и писарям»²³.

Костомаров Николай Иванович

²³ Цит. по: *Коряк В.* Нарис історії української літератури. – Х., 1929. – Т. 2. -С 320.

Шевченко Тарас Григорьевич

Не задавался целью «национального возрождения» и Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Все было проще. «Живя в Украине, приучаясь к наречию жителей, я выучился понимать мысли их и заставил их своими словами пересказать их публике. Вот причина вниманию, коим удостоена «Маруся» и другие, потому что писаны с натуры без всякой прикрасы и оттушевки. И признаюсь Вам, описывая «Марусю», «Галочку» и проч., не могу, не умею заставить их говорить общим языком, влекущим за собою непременно вычурность, подбор слов, подробности, где в одном слове сказывается все. Передав слово в слово на понятное всем наречие, слышу от Вас и подобно Вам знающих дело, что оно хорошо»,²⁴ – сознавался писатель в письме к русскому ученому и поэту, великороссу П. А. Плетневу.

Действительно, было бы странно, если бы персонажи произведений Квитки – казаки и крестьяне из малорусских сел и местечек – общались бы между собой на изысканном литературном языке, принятом в аристократических салонах. Как не могли общаться на таком языке и персонажи произведений великорусских писателей – мужики из Вятской, Рязанской или Псковской губерний. «Мы – пскопския» звучит не так, как «мы – псковские», но и то, и другое – русский язык.

Нечто подобное происходило и в других европейских литературах. В Германии сочинители комедий на швабском или нижненемецком наречиях, при всей любви к своим местным говорам, не отрекались от немецкого литературного языка. Поэты юга Франции, творившие на провансальском диалекте, не переставали от этого быть французскими литераторами. В литературоведении такой вид творчества назывался областной литературой, которая являлась оригинальной частью литературы общенациональной. Представителями такой областной литературы были и Котляревский, и Гребенка, и Квитка-Основьяненко, и их более поздние последователи. Никто из них не отделял себя от русской культуры. Вспомним, что даже Т. Г. Шевченко при всей любви к малорусскому слову свои прозаические произведения писал

²⁴ Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Твори. – К., 1957. – Т. 5. – С 531.

на русском литературном языке, русского поэта А. В. Кольцова называл «поэтом нашим»²⁵, а М. Ю. Лермонтова – «наш великий поэт»²⁶.

Флоринский Тимофей Дмитриевич

«Во времена котляревщины, гулаковщины, артемовщины и т. п. украинская литература была лишь провинциальной литературой, дополнительной к русской, это была литература гопака, горилки, дьяка и кумы. Этого характера украинская литература не лишилась даже во времена Шевченко, Кулиша, Марка Вовчка и других»,²⁷ – вынужден был признать, видный украинизатор, нарком просвещения УССР НА Скрыпник. Он справедливо считал, что самостоятельная украинская литература возникла в конце XIX века благодаря стараниям галицких литераторов (об этих «стараниях» речь пойдет дальше).

²⁵ Шевченко Тарас. Твори – К., 1971. – Т. 5. – С12.

²⁶ Там же. – С 73.

²⁷ Скрыпник М. Підсумки «літературної дискусії» // Більшовик України. -1926. -№ 1. – С 31.

Будилович Антон Семенович

Таким образом, еще в XIX веке русско-украинского двуязычия на Украине не существовало. Литературная речь и народные говоры мирно уживались, будучи лишь разными ступенями развития одного и того же русского языка. «Тесная внутренняя связь и близкое родство между малорусским языком, с одной стороны, и великорусским, белорусским и общерусским литературным языками, с другой, настолько очевидны, что выделение малорусского из русской диалектической группы в какую-либо особую группу в такой же степени немыслимо, в какой немыслимо и выделение, например, великопольского, силезского и мазурского наречий из польской диалектической группы, или моравского наречия – из чешской диалектической группы, или рупаланского наречия – из болгарской диалектической группы. . . , – отмечал выдающийся ученый, профессор Киевского университета Т. Д. Флоринский. – В частных сторонах и явлениях своей жизни, в языке, быте, народном характере и исторической судьбе малорусы представляют немало своеобразных особенностей, но при всем том они всегда были и остаются частью одного целого – русского народа»²⁸.

Так же и другой крупнейший ученый, филолог, профессор Варшавского университета А. С. Будилович подчеркивал принадлежность малорусского и великорусского наречий к одному русскому языку. Ученый указывал, что малорусские и великорусские группы говоров гораздо ближе друг к другу, чем, например, нижненемецкие и верхненемецкие говоры в немецком языке или северофранцузские и провансальские во французском. «Это доказывается тем, что шваб вовсе не понимает фриза, а нормандец – гасконца, тогда как великорус и малорус всегда поймут друг друга, говоря на своих просторечиях»²⁹.

По мере распространения просвещения возрастало количество пользующихся литературным языком, общим для малорусов и великорусов, и, соответственно, сокращалось число говорящих на просторечиях. Никакая «русификация» к этому процессу отношения не имела. Запреты и гонения, о которых сегодня модно говорить, касались совсем другого.

²⁸ Флоринский Т. Малорусский язык... – С. 7–8.

²⁹ Будилович А. К вопросу о литературном языке Юго-Западной Руси. – Юрьев, 1900. – С. 14.

Глава 2. «Не было, нет и быть не может»

XIX век прошел в Малороссии (на Украине) под знаком борьбы двух культур – русской и польской. Заветной мечтой польских патриотов было восстановление независимой Речи Посполитой. Новая Польша виделась им не иначе, как «от моря до моря», с включением в ее состав Правобережной (а если удастся, то и Левобережной) Малороссии и Белоруссии. Но сделать это без содействия местного населения было невозможно. И руководители польского движения обратили внимание на малороссов.

Поначалу их просто хотели ополячить. Для этого в панских усадьбах стали открываться специальные училища для крепостных, где крестьянских детей воспитывали на польском языке и в польском духе. В польской литературе возникла так называемая «украинская школа», представители которой воспевали Украину (название «Малороссия» они старались не использовать, как напоминающее об общем происхождении с Великороссией), выдавая при этом ее жителей за особую ветвь польской нации. Появился даже специальный термин – «третья уния». По мысли идеологов польского движения, вслед за первой, государственной Люблинской унией 1569 г. (соединившей Польшу и Литву с включением при этом малорусских земель великого княжества Литовского непосредственно в состав Польши), и второй, церковной Брестской унией 1596 г. (оторвавшей часть населения Малороссии и Белоруссии от Православной Церкви и поставившей эту часть под контроль католичества), «третья уния» должна была привязать к Польше (естественно, с одновременным отмежеванием от Великороссии) Украину (Малороссию) в сфере культуры. В соответствующем направлении прилагали усилия и чиновники-поляки (их в то время немало служило в том регионе, особенно по ведомству министерства просвещения).

Как это ни странно, но такой почти неприкрытой подрывной деятельности власти препятствий не чинили. Что такое «психологическая война», тогда просто не знали. А поскольку открыто к восстанию до поры до времени поляки не призывали, царя вроде бы не ругали, то и опасности в их деятельности никто не усматривал.

Однако откровенная полонизация не удалась. Слишком живы были еще в народе воспоминания о былых обидах, нанесенных коренному населению польской властью, слишком многое разделяло крестьян (почти сплошь по происхождению малороссов) и помещиков (которые на Правобережье, за небольшим исключением, были поляками по национальности). На переодетых в народные украинские костюмы польских пропагандистов (а были и такие) в селах смотрели, по меньшей мере, подозрительно.

Калинка Валериан

С другой стороны, гонористая шляхта совсем не желала брататься с холопами, считать их единокровными и одноплеменными. Малороссы были для них русскими, такими же ненавистными москалями, как и великороссы. Характерен пример с художником И. М. Сошенко (бывший друг Т. Г. Шевченко). Когда он женился на девушке из бедной, но шляхетной польской семьи, родители его жены долго не могли смириться с тем, что «их Марцеся омоскалилась, вышедши замуж за хлопа-схизматика»³⁰.

³⁰ Чальый М. Иван Максимович Сошенко. – К., 1877. – С. 65.

Мерославский Людвик

Все это вынудило польских вождей сменить тактику. Раз не получилось превратить жителей Малороссии в поляков, следовало хотя бы добиться того, чтобы они перестали считать себя русскими. «Если Гриць не может быть моим до пускай, по крайней мере, не будет он ни моим, ни твоим»,³¹ – так сформулировал эту политику видный польский деятель ксендз В. Калинка. Еще откровеннее был военный лидер польского движения генерал Мерославский: «Бросим пожар и бомбы за Днепр и Дон, в сердце России. Пускай уничтожат ее. Раздуем ненависть и споры в русском народе. Русские будут рвать себя собственными когтями, а мы будем расти и крепнуть»³².

³¹ Бутенко И. Что должен знать каждый об украинцах // Украина – это Русь. – СПб., 2000.-С. 169.

³² Щеголев С. Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. – К., 1912. – С. 50–51.

Говорский Ксенофонт Антонович

Новое идеологическое течение получило наименование украинофильского. Его проповедники особое внимание сосредоточили на малорусской интеллигенции. Малороссам внушали, что они представляют собой национальность, отдельную от великороссов и поработившую последними, призывали отказаться от русского литературного языка и разрабатывать «свой» особый литературный язык, самостоятельную культуру и т. д.

Эта пропаганда не имела успеха. Образованные малороссы всей душой любили народные обычаи, песни, говоры, но при этом, несмотря на усилия украинофилов, оставались русскими. Новыми идеями соблазнились единицы. «У нас в Киеве только теперь не более пяти упрямых хохломанов из природных малороссов, а то (прочие) все поляки, более всех хлопотавшие о распространении малорусских книжонок, – сообщал видный малорусский общественный деятель К. Говорский галицкому ученому и общественному деятелю Я. Головацкому. – Они сами, переодевшись в свитки, шлялись по деревням и раскидывали эти книжонки; верно пронырливый лях почувал в этом деле для себя поживу, когда решился на такие подвиги»³³. То, что потом было названо «украинским национально-освободительным движением», на начальном этапе своего развития состояло преимущественно из поляков (В. Антонович, Т. Рыльский, Б. Познанский, К. Михальчук и др.), поддержанных очень немногими малороссами.

³³ *Студинський К.* Епізоди боротьби за українство в 1863 р.// Ювілейний збірник на пошану академіка Михайла Сергієвича Грушевського. – К., 1928. – Т. 2. – С. 521–522.

Кулиш Пантелеймон Александрович

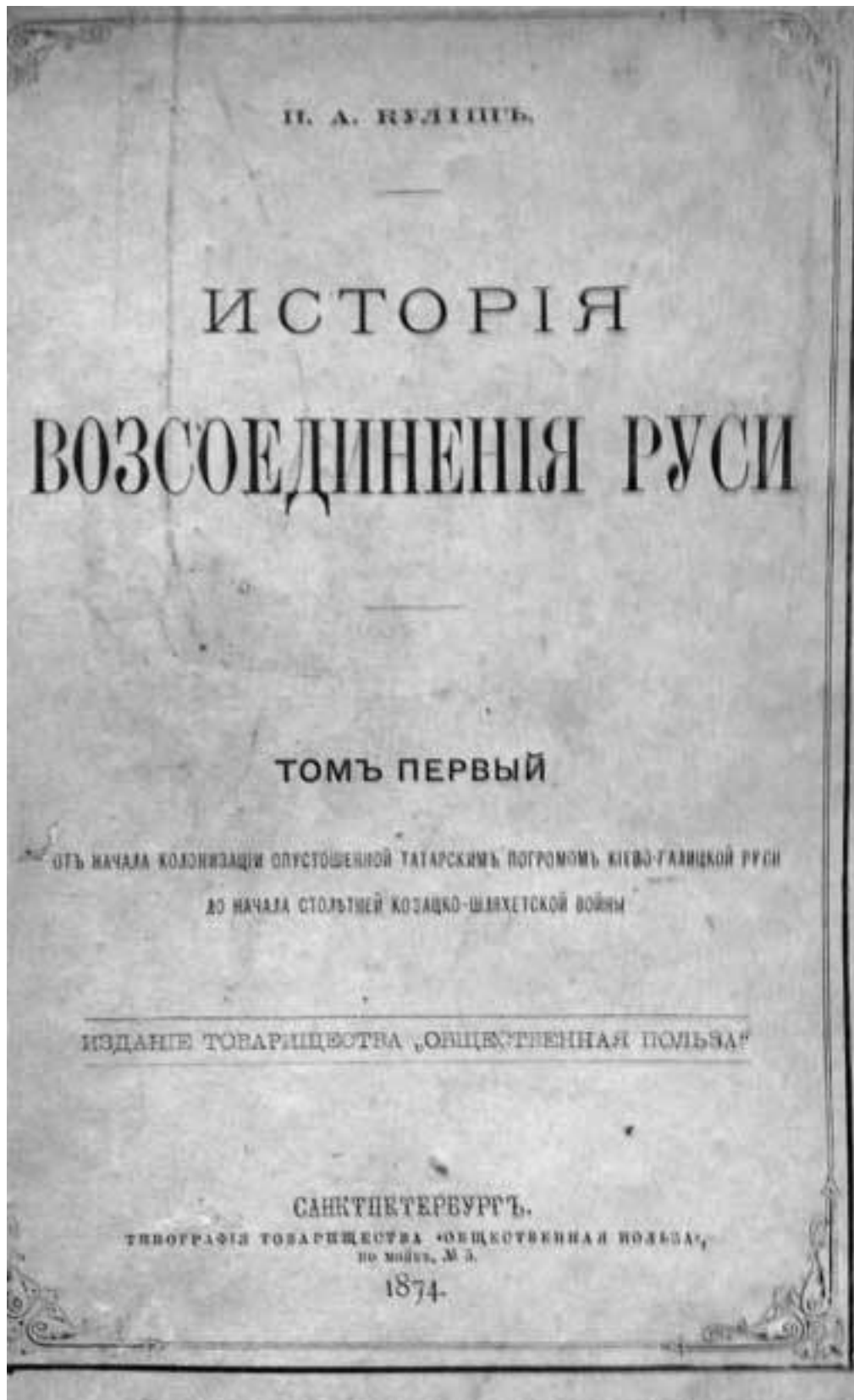
Среди таких немногих оказался писатель П. А. Кулиш. Позднее, осознав себя орудием польской интриги, Пантелеймон Александрович разоидется с бывшими единомышленниками. Он напишет замечательную книгу «История воссоединения Руси», где покажет, что Малая и Великая Русь фактически составляют единый национальный организм, будет отстаивать право малорусских детей обучаться в школах на русском литературном языке, а не на местных наречиях. Но в молодости сей видный деятель трудился в ином направлении.

В соответствии с замыслом: вытеснить из церковной, общественной и научной жизни Малороссии русский литературный язык, – он взялся превращать в культурный язык малорусское наречие, сочинил для него особое правописание (так называемую «кулишивку»), стал переводить «на украинский» Библию. Дело оказалось не из легких. Наречие, употреблявшееся исключительно крестьянами, включало в себя только слова, необходимые в сельском быту, и для изложения Священного Писания являлось совершенно непригодным. Писатель вынужден был выдумывать недостающие слова или прибегать к заимствованиям из польского языка. Перевод получился непонятным (например, фраза «Да уповает Израиль на Господа» превратилась у Кулиша в «Хай дуфае Сруль на Пана»³⁴). Позднее, после того, как книга вышла в свет, даже украинофилы признали его неудачным.

Таким же курьезом обернулась попытка перевести «для народа» Высочайший Манифест об отмене крепостного права. Представив свой труд на утверждение в канцелярию Государственного Совета, Кулиш получил его обратно вместе с резолюцией, где переводчику не без иронии рекомендовалось «держаться сколь возможно ближе к тому языку и тем выражениям, кои употребляются ныне малороссийскими крестьянами»³⁵. Но, потешаясь над подобными переводами, правительственные чиновники не были расположены что-либо запрещать.

³⁴ Ульянов И. М. Происхождение украинского сепаратизма. – М., 1996. – С. 191.

³⁵ Перевод П. А. Кулиша на украинский язык Манифеста 19 февраля 1861 года и Положения о крестьянах// Киевская старина. – 1905. – Кн. 2. – С. 327.

История воссоединения Руси. Сочинение П. А. Кулиша

Положение изменилось в 1863 г. В Польше вспыхнуло антирусское восстание, к которому поспешили присоединиться многие украинские поляки. Напрасно В. Антонович и другие

украинофилы предупреждали, что на Украине открытое вооруженное выступление обречено. Гордые шляхтичи рвались в бой.

Антонович Владимир Бонифатьевич

Мятеж закончился катастрофой. Сознавая себя русскими, малороссийские крестьяне справедливо усмотрели в польском выступлении против русской власти угрозу собственным интересам. Вооруженные косами и вилами мужики, собравшись в отряды, бросились истреблять польских повстанцев. Фактически восстание было подавлено самим народом почти без участия армии. Часто, прибыв в какую-нибудь волость, где действовали мятежники, солдаты лишь принимали от населения связанных бунтовщиков и тела убитых повстанцев. Это был крах польского движения в Малороссии.

Валуев Пётр Александрович

Восстание, наконец-то, заставило власти обратить более пристальное внимание на деятельность поляков, в том числе на их украинофильские потуги. Выяснилось, что литературные усилия и языковые эксперименты над малорусским наречием не так безобидны, как это казалось ранее. Требовалось принимать меры. Так появилось на свет знаменитое «не было, нет и быть не может», которое приписывается министру внутренних дел П. А. Валуеву. Большинство современных публицистов, упоминающих о «Валуевском циркуляре», выдергивают из него именно эту фразу и старательно избегают более подробного цитирования. Между тем, знакомство с этим интересным документом приводит к несколько иным выводам, чем те, которые навязывают сегодня общественному мнению борцы с «насильственной русификацией».

«Давно уже идут споры в нашей печати о возможности существования самостоятельной малороссийской литературы, – писал Валуев. – Поводом к этим спорам служили произведения некоторых писателей, отличившихся более или менее замечательным талантом или своею оригинальностью. В последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер вследствие обстоятельств чисто политических, не имеющих отношения к интересам собственно литературным».

Далее министр касался распространяемых украинофилами идей о желательности обучать школьников в Малороссии не на общем для всей Руси русском литературном языке, а на местном, малороссийском наречии. «Возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка нет, не было и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами, и в особенности поляками, так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и гибельных для Малороссии. Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков, и едва ли не им обязано своим происхождением, судя по рукописям, поступившим в цензуру, и по тому, что большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков».

Принимая во внимание, «с одной стороны, настоящее тревожное положение общества, волнуемого политическими событиями, а, с другой стороны, – имея в виду, что вопрос об обучении грамотности на местных наречиях не получил еще окончательного разрешения в законодательном порядке», Валуев считал необходимым «впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором священного синода и шефом жандармов относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы»³⁶.

Как следует из документа, П. А. Валуев вовсе не являлся украиноненавистником, каким хотят представить его сегодняшние украинизаторы. Он был знаком с литературой на малороссийском наречии, отмечал «более или менее замечательный талант» некоторых писателей и не имел ничего против издания по-малорусски художественных книг («изящной литературы»). Мнение «Не было, нет и быть не может» принадлежало не министру, а самим малороссам и, конечно же, относилось не к народным говорам, а к «новому украинскому литературному языку», спешно сочиняемому украинофилами.

Не мог не учитывать Валуев и настроения жителей Малороссии. А они требовали, чтобы детей учили именно русскому литературному языку, а не местным просторечиям, непригодным для книги, школы, церкви (и уж, тем более, не «украинскому» языку). «Пробывал я, – рассказывал видный малорусский ученый М. А. Максимович, – живя на моей горе (хутор Михайловская гора в Полтавской губернии. – Авт.) давать нашему деревенскому люду книжицы на нашем просторечии, что же выходило? Каждый раз очень скоро возвращали, прося наших русских книг»³⁷.

«В России после столиц первые губернии, которые потребляют книги и журналы более всех, – губернии малороссийские (Херсонская, Екатеринославская, Киевская, Полтавская, Таврическая, Черниговская...), а малорусских книг, кроме Шевченко, почти никто не покупает»,³⁸ – писал М. П. Драгоманов галицкому украинофилу В. Навроцкому.

Максимович Михаил Александрович

³⁶ Цит. по: Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 гг. – Спб., 1904. – С. 302–303.

³⁷ Гогоцкий С. С. Украинофильство с его затеями о двухтекстовых учебниках. – Почаев, 1881. – С. 37.

³⁸ Переписка М. Драгоманова з В. Навроцьким // За сто літ. – 1927. – Кн. 1. – С. 102.

О непопулярности украиноязычных книжек проговорился (наверное, сам того не желая) и известный украинофильский деятель Хведір Вовк (Федор Волков), вспоминая, как во время учебы в нежинской гимназии, ему и другим гимназистам такие книжки (тоненькие копеечные «метелики») учитель-украинофил всучивал в нагрузку, выдавая вместо сдачи при покупке учениками в гимназиальной книжной лавке учебников³⁹. Широкую известность получил также случай с приехавшим в малорусское село молодым священником, который обратился к крестьянам с проповедью на народном наречии. Крестьяне очень обиделись, потому что батюшка говорил о Боге тем языком, каким они «в шинке лаються меж собой»⁴⁰.

Драгоманов Михаил Петрович

«Несмотря на литературное предложение, несмотря на весьма замечательные таланты, предлагавшие свои услуги, народ упорно игнорировал свою народность, – с сожалением писал украинофил Ф. М. Уманец. – Ему твердят о том, что из него может выйти нечто великое, а он упорно держится набитой дороги (т. е. не отделяется в национальном и культурном отношении от великороссов. – Авт.).

³⁹ *Вовк Хв.* Де-що й з моїх австро-руських споминок // Привіт Іванови Франкови в сорокліте його письменської праці 1874–1914: Літературно-науковий збірник. – Львів, 1916. – С 151.

⁴⁰ *Камаров АМ.* Украинский язык, фольклор и литература в русском обществе начала XIX века // Ученые записки ЛГУ. – 1939. – № 47. – С. 153.

Волков (Вовк) Федор Кондратьевич

Даже в Подольской губернии, как известно, всего менее испытывавшей великорусское влияние, народ не только не стоял за малорусскую грамотность в народных школах, но, как положительно известно людям непредубежденным и поставленным в близкие отношения к народу, был почти против нее. Отцы более чем равнодушно отнеслись бы к грамотности, если бы она преподавалась на малорусском языке, говорили священники в былое время не чуждые крайнофильства. Дети коверкали свой отлично составленный малорусский букварь для того, чтобы подделаться под общерусский тип»⁴¹.

⁴¹ Уманец Ф. М. Вырождение Польши. – Спб., 1872. С – LXXVIII.

Скандальный перевод гоголевского «Тараса Бульбы»

Новое издание того же перевода, изданное во время действия Эмского указа русским правописанием, но еще более украинизированное

Так же и другой запретительный акт – Эмский указ 1876 г. был направлен не на малорусское наречие, а на использование его в политических целях^{42,43}. Указ запрещал ввоз в пределы Российской Империи малорусских книг, изданных за границей (подразумевались, прежде всего, австрийские издания), и пресекал попытки искусственно распространить сферу действия простонародных говоров на науку и общественную жизнь. В то же время употребление этих говоров не запрещалось там, где их использование было естественным, например, в начальной школе. «Не подлежит сомнению, что было бы крайне вредно как для общенационального, так и для практического образования детей, если бы школа ограничивалась местным наречием; напротив, собственно учебным предметом в народной школе должен быть, как сказано выше, литературный язык. Но в то же время было бы ошибочно, если бы учитель вздумал или совсем не обращать внимания на наречие детей, или старался вовсе искоренить его, или даже стал бы осмеивать его. Такая ревность учителя сбить детей с толку сделает их застенчи-

⁴² Одним из непосредственных поводов к запрету явилось издание украинофилами тенденциозного перевода повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», где слова «Россия», «русская земля», «русский» были заменены на «Украина» «украинская земля» «украинский» и даже слово «православие» оказалось замененным на «украинская православная вера».

⁴³ Савченко Ф. Заборона українства 1876 р. – Х.-К., 1930. – С. 379.

выми и молчаливыми. Учитель не должен поселять в детях презрения к их родному наречию, но должен только показывать им, как слова и выражения, употребляемые ими, говорятся и пишутся на литературном языке. Поэтому необходимо, чтобы учитель был знаком с наречием той общины, того округа, в котором находится школа его, но в то же время он должен вполне владеть литературным языком»,⁴⁴ – отмечалось в одобренной министерством народного просвещения и изданной в том же 1876 г. «Методике первоначального обучения», книге, по которой велось преподавание в учительских семинариях.

Чубинский Павел Платонович

«Мы вовсе не исключаем целесообразных средств к облегчению первоначального обучения, определяемых различными приспособлениями к местному южнорусскому просторечию. Но в то же время мы указываем и пределы этих приспособлений, так как повсюдными и общеобязательными, даже в этой сфере обучения они быть не могут»,⁴⁵ – отмечал и уже упоминавшийся Гогоцкий.

⁴⁴ Цит. по: Громада. Українська збірка, впорядкована Михайлом Драгомановим. – Женева, 1878. – С 150.

⁴⁵ Гогоцкий С. С. Українофільство с его затеями... – С. 29.

Антонович Дмитрий Владимирович

Практически не коснулись запреты и литературы. Художественные сочинения, этнографические сборники, популярные брошюры и т. п. как издавались до запретительных актов, так и продолжали издаваться. Помимо прочего, выходили очередные тома «Трудов этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край», хотя выяснилось, что экспедиция осуществлялась под руководством ярых украинофилов, к ее научным целям были приращены политические, а редактировал «Труды...» П. П. Чубинский (автор гимна «Ще не вмерла України»), об антиправительственных настроениях которого властям было прекрасно известно.

Правда, был наложен запрет на «интеллигентские сюжеты» (т. е. на такие произведения, где представители высших классов изъяснялись на украинском языке). Но, как признавали сами украинофилы, этот запрет лишь удерживал украинскую литературу в рамках реализма, поскольку культурных людей, говоривших на мове, просто не существовало в природе.

«Многие сознательные украинцы не умели говорить по-украински, и даже вожди украинского движения по-украински только шутили, а в серьезных общественных делах пользовались московским языком, – писал, например, видный политический деятель, один из организаторов Центральной Рады, заместитель ее председателя, министр в одном из центральнорадовских правительств, а позднее – историк украинского театра Д. В. Антонович (сын В. Антоновича). – Фактически перед 1876 г., перед запрещением интеллигентских сюжетов, украинская литература за очень небольшим процентно исключением не выходила за рамки простонародных сюжетов, так как не чувствовала в этом надобности. Украинские писатели, взявшись за сюжеты не сельской жизни, употребляли московский язык. В конце концов, в те времена и в тех обстоятельствах выработалось в обществе такое настроение, что и пьеса из интеллигентской жизни на украинском языке, и просто интеллигенты в европейской одежде, которые заговорили бы на сцене по-украински, вызвали бы смех у зрителей и это не только у врагов украинского движения, а и у сторонников его, даже иногда у людей, которые считали себя сознательными украинцами. Сама недоделанность украинского языка была тогда препятствием интеллигентскому

сюжету, а обычный в наши времена литературный язык даже со стороны самих интеллигентных украинских граждан вызвал бы возмущение своей искусственностью и выкованностью»⁴⁶.

Гулак-Артемовский Семен Степанович

Правительственные «репрессии» не были направлены против украинской культуры. Это доказывается еще и тем фактом, что в том же 1863 г., когда был издан «Валуевский циркуляр», на сцене Мариинского театра в Петербурге впервые была поставлена опера С. С. Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем», имевшая необычайный успех. Правда, в следующем сезоне оперу сняли из репертуара, но не потому, что кто-то хотел ущемить украинское искусство. Просто выяснилось, что музыку для «своей» оперы С. С. Гулак-Артемовский большей частью «позаимствовал» у Моцарта (из оперы «Похищение из сераля»), лишь добавив туда несколько народных мелодий и чуть-чуть переработав отдельные места. Разразился скандал. Театральные критики обвиняли композитора в плагиате. Но, несмотря на конфуз в Петербурге, на Украине опера стала очень популярной. Как отмечал тот же Д. В. Антонович, фрагменты из этого произведения «часто поют украинские любители пения, не подозревая, что они исполняют музыку Моцарта. Опера Моцарта "Похищение из сераля" на Украине никогда не исполняется, а "Запорожца за Дунаем" хорошо знает каждый украинский театр»⁴⁷.

Следует отметить, что тема плагиата неразрывно связана с «антиукраинскими репрессиями царизма». Во второй половине XIX – начале XX вв. главной целью «национально сознательных» писателей являлось доказывание самостоятельности украинской литературы. Лучшим средством для этого, по мнению украинофилов, было «кропание» литературных произведений, которых требовалось создать как можно больше. Работали не на качество, а на количество. А поскольку таланта катастрофически не хватало, сюжеты частенько заимствовались у других авторов (в основном, у пишущих на русском), действие переносилось на украинскую почву, литературные герои переименовывались на местный манер и, таким образом,

⁴⁶ Антонович Д. Триста років українського театру. 1619–1919. – Прага, 1925. – С. 131–132. 17.

⁴⁷ Там же. – С. 117.

создавался очередной «шедевр» «самостоятельной литературы». Естественно, когда все раскрывалось, вспыхивали скандалы, доходило даже до судебных процессов. Это вынуждало цензуру более внимательно относиться к сочинениям украинских авторов, что и трактовалось украинофилами как «преследование украинского слова».

Старицкий Михаил Петрович

Наиболее пышным цветом расцвел плагиат в драматургии. На этом поприще «трудились» М. П. Старицкий, М. Л. Кропивницкий, И. К. Карпенко-Карый (Тобилевич), Н. К. Садовский (Тобилевич) (все, кроме Старицкого, по происхождению польские шляхтичи) и др. «Одалживали» сюжеты они у А. Н. Островского, А. Ф. Писемского и других русских писателей. Особенно «прославился» М. П. Старицкий. Позднее литературоведы установили, что сюжеты всех пьес этого «автора», кроме одной, определенно «позаимствованы» у других (не только у общерусских литераторов, но и у деятелей провинциальной малорусской литературы). Лишь по поводу пьесы «Не судилось», очень похожей по содержанию на пьесу М. Л. Кропивницкого «Доки сонце зійде, роса очі виїсть», специалисты не пришли к точному выводу: кто у кого украл⁴⁸.

⁴⁸ *Коряк В.* Нарис історії української літератури. – Х., 1929. – Т. 2. – С. 220.

Глебов (Глибов) Леонид Иванович

Старались не отставать украинофильские деятели и в других отраслях литературы. Так, при рассмотрении цензурой в 1894 г. рукописи басен Л. И. Глибова было установлено, что из 107 помещенных там произведений 87 заимствованы у И. А. Крылова и лишь переведены на малорусское наречие (потом выяснилось, что цензор еще не все заимствования обнаружил), а остальные взяты у других, менее известных русских авторов⁴⁹. Между тем, издатели (сам Глибов к тому времени умер) пытались выдать эти басни за оригинальные сочинения «украинского байкаря». Цензура книгу запретила, после чего посыпались жалобы на притеснения и (самое интересное) украинофилы добились-таки разрешения издать сборник басен, хоть и в несколько сокращенном виде.

Поднимая тему «преследований», нельзя не коснуться еще одной стороны проблемы, также тщательно сегодня замалчиваемой, – о сроках действия правительственных запретов. Мало кто знает, что «Валуевский циркуляр» утратил силу сразу же вслед за подавлением в середине 1864 г. польского мятежа. Уже во время судебной реформы (начатой в ноябре того же года) в Екатеринославе (советский Днепропетровск, ныне – Днепр) на малорусском наречии вышла брошюра, посвященная новым принципам судоустройства. Цензура пропустила ее беспрепятственно.

В 1865 г. вступил в действие новый закон о печати, теперь уже и формально отменивший распоряжение Валуева. «По тому закону – объяснял позднее М. П. Драгоманов, – совсем запретить книгу мог только суд, и такой порядок сохранялся до 1873 г. (после этого мог уже задерживать книгу и кабинет министров). А суд был гласный и обязан был опираться на законы. Таким образом, про украинские книги не было (да нет и до сих пор) явного закона, чтобы нельзя было их печатать, – а валуевский запрет 1863 г. был только тайный циркуляр цензорам от министра». Как отмечал Драгоманов (которого никак нельзя заподозрить в желании обелить тогдашние порядки), достаточно было сочинить книгу на украинском языке и отдать ее в печать. «Пусть цензор, если хочет, в суд посылает, чтобы задержать. Суд не мог бы найти закона, чтобы такую книгу задержать... Но украинофилы оказались не в состоянии сделать

⁴⁹ Козуб С. Леонід Глібов і царська цензура//Життя й революція. – 1930. – № 2. – С 170.

такую попытку. Так обнаружилось, что украинофильство было самым слабым из всех свободных ростков 1860-х гг. в России»⁵⁰.

Причины этой слабости ясны. Потерпевшим сокрушительное поражение полякам было не до создания «украинского языка». А без их помощи украинофильство оказалось ни на что не способным. Как вспоминал Драгоманов, в разговоре с ним один из главных деятелей движения (Драгоманов не называет его по фамилии, сообщает только, что это один из «важнейших работников» украинофильского журнала «Основа») признался, что когда стало известно о «Валуевском циркуляре», активисты украинофильства «не очень печалились по этому поводу, и даже обрадовались, так как книг готовых не было и они думали избежать позора и наготовить книг»⁵¹, объясняя пока что их отсутствие запретами со стороны властей. Но время шло, поляки приходили в себя медленно (более-менее оправались они лишь к началу 70-х гг.), а без них ничего не получалось. Вот и пришлось прикрывать творческое бесплодие ссылками на давно утративший силу циркуляр.

Несколько большим был срок действия Эмского указа. Официально он потерял силу в 1905 г. Однако, как признавали сами украинофилы, некоторые положения указа остались только на бумаге и на практике никогда не применялись, другие – применялись непоследовательно и фактически были упразднены еще до формальной отмены Эмского акта. «В течение тридцати лет своего существования закон 1876 г., оставаясь, как общее правило, грозой для малорусского литературного движения и притом все усиливая раскаты своего грома и силу удара своих молний, в тоже время фактически, отдельными отступлениями цензурской практики, был в разное время отменен во всех своих частях»,⁵² – указывал, например, П. Я. Стебницкий. Д. В. Антонович вынужден был констатировать, что запрет на украинские спектакли (наложенный, кстати, не за украиноязычные пьесы, а за устраиваемые на спектаклях украинофильские демонстрации) «фактически не был воплощен в жизнь»⁵³. В 1880 г. это положение указа было отменено. В том же 1880 г. специальным указом Александра II Императорской Академии наук была основана премия имени Н. И. Костомарова, которая предназначалась для будущего составителя (или составителей) словаря малорусского наречия.

⁵⁰ Громада. Українська збірка... – С 246–247.

⁵¹ Там же. – С.238.

⁵² *Стебницкий П.* Очерк развития действующего цензурного режима в отношении малорусской письменности // Наука і культура. – 1993. – Вип. 26–27. – С. 103.

⁵³ *Антонович Д.* Триста років... – С. 123.

Стебницький Петр Януарьевич

Был запрещен ввоз украиноязычных австрийских книг (также на практике часто не соблюдавшийся), но разрешался ввоз издававшихся в Австрии украинских газет, принималась подписка на такие газеты. Одно время российские украинофилы даже издавали свою газету на украинском языке (официально эта газета считалась приложением к одной из галицких газет и печаталась в Австрии, но редакция находилась в Киеве).

Неплохо обстояло дело и с украинским книгоизданием. Цензура часто пропускала книги, которые должны были бы попасть под запрет (например, переводы на малорусское наречие с русского и иностранных языков, сделанные М. П. Старицким, как раз в то время развернувшим бурную языкотворческую деятельность). Указ запрещал издание украиноязычных научных книг, но, как свидетельствовал Омелян Огоновский, цензоры «не очень цеплялись к авторам, и как бы потакали немного, позволяя печатать иногда научные книжки украинские»⁵⁴. Исследовавший этот вопрос известный литературовед, крупный деятель украинского движения С. А. Ефремов констатировал, что уже в начале 80-х гг. выходит «суррогат периодического издания» – два тома сборника «Рада» (1883 и 1884 г.). Кроме того, «снова прорываются сквозь цензуру популярно-научные издания: «Про обкладки (дифтерит)» – Ми-ча (1881), четвертое издание брошюры «Дещо про світ божий» (1882), «Оповідання про комах» О. Степовика (О. Комарова) (1882), «Про дифтерит або обкладки» М. Хведоровского (1882), «Земля і люде в Росії» К. Гамалии (1883), «Про грім та блискавку» В. Чайченка (1883); проскакивают даже опыты учебников, как «ГраMATка» А. Конисского (1883) и «Читанка» Хуторного-Лубенця (1883)»⁵⁵.

В 1890-х гг. в России действовали уже четыре издательства, специализировавшиеся на выпуске украинских книг. Особенно большой размах приняла издательская деятельность Б. Д. Гринченко в Чернигове. С 1894 по 1901 г. он издал более 50 названий книг, по 5–10 тыс. экземпляров каждого названия. Помимо собственных сочинений, Гринченко издавал произ-

⁵⁴ *Огоновський Ом.* Історія літератури рускої. Львів, 1889. – Ч. 2. – С. 139.

⁵⁵ *Ефремов С.* В тісних рямях. Українська книга в 1798–1916 рр. – К., 1926. – С. 17.

ведения Т. Г. Шевченко, М. М. Коцюбинского, Е. П. Гребенки, П. А. Грабовского, Ю. Федьковича и др., а также «целый ряд научно-популярных работ – по медицине, технике, истории, естествознанию»⁵⁶. «Украинских книжек выходит у нас много: изданы сочинения Марка Вовчка, Кулишевой (имелась в виду Ганна Барвинок, вдова П. А. Кулиша. – Авт.), поэтов Крымского, Чернявского, Свидзинского, Руданского, "Літературний збірник" в Киеве и множество популярных книжечек»⁵⁷, -сообщал в частном письме от 13 января 1903 г. И. С. Нечуй-Левицкий.

Гринченко Борис Дмитриевич

⁵⁶ Там же. – С. 20.

⁵⁷ *Нечуй-Левицький І. С.* Зібрання творів. К., 1968. – Т. 10. – С. 404.

Гринченко Мария Николаевич

Таким образом, в период так называемых «гонений на украинское слово» выходили и художественные, и научные, и популярные книги, и даже учебники на украинском языке. Другой вопрос, что вся эта печатная продукция не пользовалась спросом. Тот же Гринченко, распространявший украинские книги через книжный склад черниговского губернского земства, пошел на открытый конфликт с женщиной, занимавшей должность директора книжного склада, поскольку та жаловалась, что издания на украинском языке плохо продаются и не хотела связываться с их распространением как с делом заведомо убыточным. «"Бабушку Марфу или за Богом молитва, а за царем служба не пропадает", хвалебные "жизнеописания" царей: Петра, Екатерины II, Николая I, безграмотные "Песенники" и всякий другой лубочный и нелубочный мотлох она хотела иметь в книжном магазине, так как такие книжки и рисунки давали большую прибыль, а украинскими книжками брезговала, потому что с них выгода маленькая»,⁵⁸ – возмущалась позднее М. Н. Гринченко, жена и соратница украинского деятеля.

Используя свои связи в губернской земской управе, Б. Д. Гринченко принялся откровенно выживать неговорчивую директрису. И ведь добился своего: женщина вынуждена была уволиться, а на ее место взяли «сознательную украинку» (все это происходило во время «гонений на украинское слово!»). После такой замены украинские книжки, конечно, не стали продаваться лучше, но легальное прикрытие для своей пропагандистской деятельности украинофилы получили.

⁵⁸ Гринченкова М., Верзилів А. Чернігівська українська громада. Спогади // Чернігів і північне лівобережжя. Огляди, розвідки, матеріали. – Б.м., 1928. -С 481.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.